

ВЫХОДИТЬ
Еженедельно по Субботамъ.
Подписка принимается во
всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ
Имперіи, въ С. П. и М. Поч-
товыхъ газетныхъ Экспедиці-
яхъ въ С. П. Б., у книгопрода-
вца Псакова и Юнгмейстера.

Годовая цѣна:

Въ Тифлисѣ 7 руб. серебромъ

съ пересылкою и доставкою на домъ 8 р.

Полугодовая:

Съ пересылкою и доставкою на домъ 4 р. с.

22 МАРТА.

№ 12.

1847.

ВЫСОЧАЙШІЯ ГРАМОТЫ.

1) *Начальнику Артиллерійскихъ Гарнизоновъ Кавказскаго Округа, Нашему Генералъ-Маіору Семиевскому.*

По засвидѣтельствованію Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ объ отличномъ усердіи и полезной службѣ вашей, по управленію Артиллерійскими Гарнизонами Кавказскаго Округа, въ продолженіе болѣе шести лѣтъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена *Св. Анны первой степени*. Препровождая знаки сего ордена, пребываемъ Императорскою Нашею милостию къ вамъ благосклонны.

2) *Начальнику Штаба Черноморскаго Казачьяго Войска, Нашему Генералъ-Маіору Рашилю.*

Въ воздаяніе отличномъ усердіи и ревностной службы вашей, Главнокомандующимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ засвидѣтельствованной, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ *Императорскаго и Царскаго ордена Нашего Св. Станислава первой степени*, знаки коего при семъ препровождаю, пребываемъ Императорскою Нашею милостию къ вамъ благосклонны.

С. Петербургъ.

Февраля 19-го 1847 года.

На подлинныхъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

КАВКАЗЪ.

Съ лѣваго фланга Кавказской линіи получены свѣдѣнія о случившихся тамъ происшествіяхъ въ весьма недавнемъ времени. Егерскій Генералъ-Адъютантъ Князь Воронцова полкъ, расположенный въ крѣп. Воздвиженской, занимаясь въ теченіи осени и зимы рубкою строеваго лѣса для устройства полковой штабъ-квартиры. Наибъ Дуба, одинъ изъ лучшихъ сподвижниковъ Шамиля, живущій недалеко отъ кр. Воздвиженской, нѣсколько разъ нападалъ на колонны ходившія въ лѣсъ, безъ успѣха, но 27-го Февраля, когда колонна въ составѣ 10 ротъ выступила для производства рубки лѣса, Наибъ Дуба приготовивъ предварительно сильныя засады, внезапно бросился съ двумя залпами и потомъ въ шашки на лѣвую цѣпь въ самое то время, когда храбрый командиръ 2-й карабинерной роты, Штабъ-Капитанъ Сухецкій, повѣрялъ оную.

Резервъ бросился на выстрѣлъ и Чеченцы немедленно штыками вытиснуты были изъ цѣпи съ большою потерей, при чемъ особенно отличился Фельдфебель 2-й карабинерной роты Вишневъ, но къ общему сожалѣнію, храбрый Сухецкій убитъ двумя пулями, а также убито и ранено до 20-ти Карабинеровъ и Егерей. Генералъ-Лейтенантъ Фрейтагъ желая наказати Наюба Дубу за безпрестанные его попытки, предписалъ Командиру Егерскаго Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова полка Полковнику Барону Миллеру-Закомельскому предпринять поискъ на хуторъ этого Наюба, расположенный у подножья черныхъ горъ около верховьевъ рѣки Гойты. Въ ночь съ 5-го на 6-е Марта Полковникъ Миллеръ выступилъ изъ кр. Воздвиженской съ 3-ми баталіонами пѣхоты и 2-ми сотнями казаковъ № 26 го полка при 4-хъ орудіяхъ.

Отрядъ подвигался съ должною осторожностію. За двѣ версты до хутора Дубы, гдѣ начинается сплошной лѣсъ, который Чеченцы завалили вѣковыми чинарами, но не ожидая нападенія оттолъ не заняли даже карауломъ. Полковникъ Баронъ Миллеръ взялъ двѣ роты Егерей и со всѣми казаками быстро бросился къ аулу, приказавъ отряду слѣдовать за нимъ. Казаки обскакали аулъ успѣли занять все дороги въ лѣсъ, а Полковникъ Миллеръ съ пѣхотою ворвался въ сакли. Чеченцы видя что все пути къ спасенію заняты нами, рѣшились драться и умирать. Егеря же, имѣя еще въ свѣжей памяти смерть нѣкоторыхъ своихъ товарищей, выжидали только случая отомстить за нихъ и по этому въ аулѣ начался не бой а рѣзня. Главная схватка происходила въ саклѣ Наюба съ приверженными къ нему Мирюдами, которые не смотря, что самъ Дуба въ одной рубахѣ безъ оружія успѣлъ убѣжать въ лѣсъ, съ самоотверженіемъ защищали семейство его. Все Чеченцы находившіяся въ аулѣ погибли, исключая 15 душъ взятыхъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ малолѣтній сынъ Дубы. Другой его сынъ, жена и сынъ Иссы, бывшего Наюба Гехинскаго, къ сожалѣнію, найдены между сотнею другихъ труповъ. Все что было въ аулѣ: имущество, лошади, рогатый скотъ, оружіе, все досталось въ добычу храбрымъ войскамъ нашимъ.

Истребивъ запасы хлѣба, сѣна, найденный запасъ пороха, присланный Шамилемъ, приготовленные артиллерійскіе снаряды и предавъ все аулъ пламени, Полковникъ Баронъ Миллеръ-Закомельскій возвратился въ кр. Воздвиженскую. И хотя между тѣмъ, по тревогѣ, лѣса на возвратномъ пути были сильно заняты Чеченцами съ разныхъ сторонъ и Магометомъ Анзоровымъ изъ сел. Гинси, но храбрые войска наши и хорошія распоряженія Полковника Миллера уничтожили все ихъ надежды и отрядъ благополучно и со всею добычею вошелъ въ Воздвиженское.

Столь славное и успѣшное дѣйствіе не могло быть безъ нѣкоторой потери, у насъ убито нѣ-

нихъ чиновъ 15, ранено Егерскаго Князя Воронцова полка Поручикъ Шидловскій и Подпоручикъ Дробышевъ и до 60 нижнихъ чиновъ.

Въ числѣ имущества захваченнаго въ хуторѣ, найдены въ саклѣ Дубы: на его одеждѣ два серебрянные знака, данные Шамилемъ Наюбу за военныя дѣла; оба совершенно одинаковыя, но на кажомъ различныя надписи. На первомъ: Имамъ Шамиль этого храбраго Наюба награждаетъ первокласснымъ орденомъ и молитъ Бога да поможетъ онъ ему идти по истинному пути. На второмъ: это герой искусный въ войнѣ и бросающійся на непріятеля какъ левъ.

Дѣломъ сѣмъ еще разъ доказали Чеченцамъ, что покушенія ихъ никогда не останутся безъ наказанія и что уже скрививъ, мѣста у подножья Черныхъ горъ, не служатъ имъ убѣжищемъ отъ храбрыхъ войскъ нашихъ.

Изъ многихъ мѣстъ Закавказья получаютъ извѣстія о наступленіи весны и непостоянствахъ неустановившейся погоды. Въ Эривани, 7 Марта вечеромъ разразилась сильная гроза съ бурей и дождемъ; градъ падалъ величиною въ грецкій орѣхъ; молнія сверкала безпрерывно и перекаты грома не умолкали болѣе часу. Во время грозы термометръ показывалъ 10 гр. тепла. До сихъ поръ, тамъ нѣсколько похоже было на зиму, хотя дни были ясные и теплые и только по долинамъ Аракса весна уже рѣшительно распространилась. Озимые хлѣба зеленѣютъ; поселяне начали дружно обрабатывать поля; стада кочевыхъ народовъ покрывли предгорія. Еще напоминаютъ суровую зиму Араратъ и вершины Аллагѣза, одѣтые туманами и снѣгомъ, быстро тающимъ отъ весеннихъ лучей солнца. По замѣчаніямъ поселянъ будущее лѣто представляетъ основательныя надежды на изобильную жатву, если только не повредитъ полей саранча, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Шарурской долинѣ возродилась и начинаетъ распоздаться по озимымъ. О холерѣ тоже здѣсь ничего не слышно, даже и въ отдаленныхъ краяхъ за границею. Это еще болѣе радуетъ насъ чѣмъ раніи возвратъ весны. — *Нуша*. Послѣ довольно теплыхъ дней Февраля, погода Марта мѣсяца ознаменовалась непостоянствомъ и совершенною распутицею; полились дожди, часто оканчивавшіяся густымъ снѣгомъ, какъ наприм. 5 Марта, когда все окрестности забѣлѣлись отъ снѣгу и температура значительно понизилась. Отъ столь нечаянной переменѣ не замѣчено впрочемъ никакого вреда для развѣтанныхъ деревьевъ. Вечеромъ 7 числа поднялся бурный вѣтеръ, а потомъ начались удары грома съ ослѣпительною молніею, пошелъ дождь, а къ утру выпалъ снѣгъ глубиною въ 3 вершка. — *Озургеты*, (въ Гуріи) 3-го Марта. Весь Февраль продолжались холодные дожди, сопровождавшіеся юго западнымъ вѣтромъ, но это нисколько не помѣшало покрыться зеленью деревьямъ, которыя еще съ Января начали распускаться и цвѣсти, особливо въ мѣстахъ между Озургетами и кр. Николаевскою. Февраль, повидимому, замѣнилъ мартовскія бури и непогоды, столь обыкновенныя въ это время, являсь къ намъ съ свѣтлыми и тихими майскими днями. — *Шуша*, 13 Марта. Весь Февраль прошелъ въ туманахъ и быстрыхъ переменѣхъ погоды, изрѣдка съ теплыми и ясными днями. 7-го Марта, по закатѣ солнца, подулъ южный вѣтеръ, который съ наступленіемъ сумерокъ усилился до высшей степени, послѣ чего вдругъ засверкала молнія и раздался перекаты грома, съ провождаемые дождемъ, скоро превратившимся въ пушистый снѣгъ; гроза прекратилась, но буря съ мятелю свирѣствовала цѣлую ночь; наступившій день былъ ощущаемъ холодный и сырой. — Въ Ставрополь, до 13-го Марта, послѣ сырости и грязи наступили значительные морозы на землю, обнаженную отъ снѣга. У насъ въ Тифлисѣ, съ 15 Марта слѣдовало нѣсколько дней чрезвычайно ненастныхъ и сырыхъ съ дождемъ, снѣгомъ и даже слабымъ морозомъ, а потомъ настали дни ясные, очень теплые и тихіе,

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, согласно ходатайству Князя Намѣстника Кавказскаго, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, въ 4-й день сего Марта, Чиновникамъ Канцеляріи Его Сіятельства по званію Намѣстника за отличномъ усердіемъ ихъ службу слѣдующія награды: Экзекутору Титулярному Совѣтнику Кошаченко—Ордена *Св. Анны 3-й степени*. Титулярнымъ Совѣтникамъ: Столоначальнику Крамалю и Бухгалтеру Крижановскому—чины Коллежскаго Ассессора. Коллежскимъ Секретарямъ Столоначальникамъ: Лорану и Лисовскому—чины Титулярнаго Совѣтника, присвоивъ Лорану старшинство съ 9-го Июля 1845 года. Губернскимъ Секретарямъ: Старшему Помощнику Чиновника по Секретной части Токареву и Помощнику Журналиста Чаплину—чины Коллежскаго Секретаря, со старшинствомъ Токареву съ 24-го Марта 1846, а Чаплину съ 1-го Июня 1846 года, и Младшему Помощнику по Секретной части Коллежскому Регистратору Олсуфьеву—чинъ Губернскаго Секретаря со старшинствомъ съ 26-го Августа 1845 года.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПРИКАЗЫ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, въ присутствіи Своемъ въ С. Петербургѣ, соизволилъ отдать слѣдующіе приказы:

По военному ведомству.

Февраля 24-го дня 1847 года,
Назначаются. По Арміи. Начальникъ 2-го Отдѣленія Черноморской Береговой Линіи, Герералъ-Маіоръ *Графъ Опперманъ*, Командиромъ 2-й Бригады 9-й Пѣхотной Дивизіи. По Кавалеріи. Составляющій по Кавалеріи и при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ, Генералъ-Маіоръ *Дьбрайтъ*, Начальникомъ 2-го Отдѣленія Черноморской Береговой Линіи, съ оставленіемъ по Кавалеріи.
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ объявляетъ Монаршее СВОЕ благоволеніе (Фев. стъ) Тупшино-Ишаво-Хевсурскому Окружному Начальнику, состоящему по Арміи Подполковнику *Князю Челокасву*, за отличіе, оказанное имъ въ дѣлахъ противъ Горцевъ.

отъ 12 до 15-ти гр. тепла въ тѣни. Ясность ночей позволила вполнѣ видѣть частное затмѣніе луны съ 19 на 20 сего марта. Казалось, что оно началось нѣсколько позже, впрочемъ не болѣе двумя минутами противу вычислений Г. Кнорре, показанныхъ въ нашемъ Календарѣ, именно, около 11-ти часовъ и 4-хъ минутъ вечера.

Синахъ. Въ Уканамхарскомъ Участкѣ, Сигнахскаго Уѣзда, у Помѣщика Селенія Чаулбани Князя Н. Вачнадзева, 20 числа сего мѣсяца, ода овца таракаманской простой породы принесла четырехъ ягненковъ, которые чрезъ нѣсколько минутъ послѣ своего рожденія издохли, а также и самая матка.

Тифлисъ. На дняхъ прибылъ въ Тифлисъ Секретарь-Драгоманъ бывшаго Требизонскимъ Муширомъ, Его Свѣтлости Халилъ-Рафатъ-Паши, посланный по распоряженію Блестательной Порты для врученія Князю Намѣстнику осыпаннаго брилліантами портрета Его Величества Султана, а также 9-ти знаковъ *Нисана Ифтихара* для нѣкоторыхъ лицъ находящихся въ Тифлисѣ.

Канцелярія Намѣстника Кавказскаго извѣщаетъ искреннюю свою благодарность *В. А. Дашкову*, за пожертвованное имъ «*Описаніе Олонейской губерніи*», имъ составленное, въ учреждаемую съ разрѣшенія Князя Намѣстника, при Канцелярії публичную бібліотеку.

СМЕРТЬ НА СЛАВУ

или

ЗАЩИТА МИХАЙЛОВСКАГО УКРѢПЛЕНІЯ, 22 МАРТА 1840 ГОДА.

(сцены изъ кавказской жизни.)

СЦЕНА I-я.

Клятва.

Сцена представляетъ внутренность укрѣпленія, вдали мазанки, за ними крѣпостной валъ и море.

Нина. Сидитъ на бревнѣ и плететъ вѣнокъ. Горы, родныя горы! Вы невольно напоминаете мнѣ шумный аулъ, знакомыя лица, съ которыми сроднилась съ дѣтства; пляски, игры, черты любимыхъ подружекъ... какъ бы хотѣлось увидѣть ихъ! Вотъ, кажется, слышу голосъ матери, онъ отзывается въ сердцѣ моемъ!... я бы хотѣла прижаться къ твоей груди, поцѣловать тебя и хотъ минуго успокоиться въ родныхъ объятіяхъ, хотъ минуго насладиться материнскими ласками... О мать моя! *(протыкиваетъ руки въ даль)* вѣдь ты жива, зачѣмъ же не влешь ко мнѣ?... Нѣтъ, никого, никого!... *Закрываетъ лицо руками.* Только окровавленный трупъ отца перелъ глазами и страшный день, день перваго моего плѣна!...

Я отказалась отъ васъ, принявъ другую вѣру, отказалась навѣки, но не могу вырвать изъ сердца прежнихъ чувствъ и памяти о прошломъ!...

Прости мнѣ, Господи, мой ропотъ, онъ невольно вырвался изъ души угнетенной какою-то тоской, томительнымъ ожиданьемъ, предчувствіемъ чего-то недобраго! Ропотъ напрасный! Я всѣми любима, я невѣста мною избраннаго; но отъ чего же такъ мучительно замраетъ сердце?...

Хассанъ. *(всплываетъ изъ-за Фатьмы, ты здѣсь!)* посмотри на меня—я весь оборванъ, въ крови,—я скакалъ, замучилъ коня, ползъ черезъ непроходимыя горы, пропасти—чтобы скорѣе увидѣть, безопасна ли ты, и счастье послало тебя на встрѣчу человѣку, который только заботится отъвоей участи...

Нина. *(прерываетъ его.)* Моя участь въ рукахъ одного Бога и ты не властенъ валъ нею.

Хассанъ. Но я могу быть посланникомъ Божиимъ для твоего спасенія... бѣги со мною немедленно!

Нина. *(въ испугѣ.)* Газвѣ нашему гарнизону угрожаетъ опасность?

Хассанъ. Гарнизону?... а мнѣ какаа до него надобность!—Для тебя одной я подвергалъ жизнь тысячъ опасностей и пришелъ спасти тебя изъ плѣна враговъ...

Нина. *(прерываетъ его.)* Я не раба! Я добровольно остаюсь между Русскими и благословляю свой плѣнъ!

Хассанъ. Ты не раба, а работница изъ куска насущнаго хлѣба, пока не сдѣлаешься женою солдата, сжалившагося надъ твоимъ беззащитнымъ

сиротствомъ. А ты забыла, что у тебя есть отецъ, мать, родные, ты красавица и можешь сдѣлаться женою богатаго человѣка...

Нина. Я христіанка!... Оставь докучныя увѣщанія и преслѣдованія—онѣ несносны мнѣ!

Хассанъ. Фатьма, лучше по удару книжаломъ въ сердце, чѣмъ по слову презрѣнія!... Неужели я не заслужилъ твоего братскаго участія? Ты росла предъ моими глазами; я мечталъ, что со временемъ будешь моею женою и эту надежду вскормилъ въ груди съ лѣтами и не разъ, бросаюсь на сомкнутые ряды штыковъ, думалъ, — Фатьма услышитъ о моихъ подвигахъ и будетъ дорожить моею любовью! Но ни слава, ни кровь, пролитая въ роковой день твоего плѣна, не заслужили мнѣ сердца Фатьмы! а я люблю по прежнему и каждую минуту жизнью готовъ купить твою взаимность!... Иди же со мною въ родной аулъ, я осыплю тебя золотомъ и знатнѣйшія княжны позавидуютъ моею Фатьмой!

Нина. Не тѣмъ ли золотомъ, что накопилъ ты, выдавая своихъ и обманывая Русскихъ?

Хассанъ. Тяжель твой упрекъ, но возьми его назадъ! Неужели ты могла подумать, что изъ за горсти серебра стану жизнь свою подвергать опасности? За славу, за имя хдабраго я умру охотно, но за деньги—не пожертвую и волосомъ! Если я рѣшился быть предателемъ своихъ, и скрывать лицо предъ каждымъ встрѣчнымъ, ожидать каждую минуту, что меня застрѣлятъ какъ измѣнника, то повѣрь, не изъ-за горсти серебра!—а за твой взглядъ, ласковое слово, чтобъ оберегать тебя, доказать любовь и наконецъ, вырвать изъ рукъ невѣрныхъ.

Нина. Елагодарю за преданность, но мнѣ не нужны ни заботы, ни твоя любовь, и я, ни для кого въ свѣтѣ не оставляю этихъ мѣстъ.

Хассанъ. Неужели шестилѣтній плѣнъ вырвалъ изъ твоего сердца чувства любви къ родинѣ? Неужели ты ни разу не взглянула на эти горы, спябющія вдали и при взглядѣ на нихъ, ничто не отозвалось въ груди, не защемило въ сердцѣ?...

Нина, невольно взмываетъ куда указывалъ Хассанъ, отвернулась и въ задумчивости махнула рукою.

Хассанъ. Тебѣ никогда не представляются, какъ въ смутномъ снѣ: шумный аулъ, игры прежнихъ подружекъ, чей-то голосъ, пѣжно зовущій тебя по имени, ласки, поцѣлуй, звукъ роднаго языка, пѣсни, которыя ты пѣвала въ честь пашихъ въ славной битвѣ, пѣсни, которыя заставляли камни трепетать подъ твоими ногами, а теперь,—запертая въ этихъ душныхъ стѣнахъ изъ земли, въ неволѣ,—равнодушно слушаешь щебетаніе вольныхъ птичекъ и не хочешь вспомнить, что сама когда-то порхала вольнѣе и пѣла слаще ихъ пѣсень...

Нина. *(въ сильномъ волненіи закрываетъ лицо руками!)* Не напоминай, что прошло какъ сонъ уже не возвратится!...

Хассанъ. Нѣтъ, возвратится! только вспомни ту грозную ночь, когда громъ Русскихъ пушекъ пробудилъ нашъ аулъ, когда выстрѣлы заглушили твой крикъ, когда отецъ твой, подъ штыками палъ на порогѣ сакли, когда тебя взяли съ окровавленной груди матери...

Нина стираетъ съ груди кажущуюся ей кровь матери.

Хассанъ. Да, кровь матери на тебѣ!... Но мать еще жива, зоветъ свою дочь, а та забыла, отреклась отъ нея на вѣки!... Прощай, я иду сказать ей, что ты предпочитаешь безчестное рабство—свободѣ, презрѣнную милостыню враговъ—нѣжнымъ ласкамъ роднаго крова! *(Идетъ.)*

Нина. *(бросается за нимъ.)* Остановись! *(Въ нерешимости.)* Ужасная минута!... Хассанъ—веди меня къ матери! *Хватаетъ Хассана за руку, они послѣдно идутъ.*

Лико и Тимченко входятъ.

Лико. Кто это? стойте! *(Хассанъ и Нина возвращаются.)*

Тимченко. *(подходитъ къ Нинѣ.)* Нина, ты въ слезахъ, что это значить?

Лико. Куда ты вѣлъ ее?

Хассанъ. Начальникъ,—она Черкешенка, у нее есть отецъ, мать, Фатьма хочетъ къ нимъ возвратиться...

Лико. Нина, это правда?

Нина. *(въ волненіи.)* Да... я должна возвратиться...

Лико. Но вспомни, оставляя насъ, ты оставляешь Бога, вѣру, церковь...

Хассанъ. Вѣра ея будетъ ненарушима.

Лико. Нина, мы не станемъ удерживать тебя; если желаешь возвратиться къ своимъ родителямъ—иди, ты свободна!

Тимченко. *(подходитъ къ Нинѣ.)* Ты оставляешь насъ добровольно?... а меня... хочешь забыть!...

Нина. *(одною рукою закрываетъ глаза, а другою надеваетъ Тимченку.)* Нѣтъ, не забуду, никогда не забуду!...

Тимченко. *(сжимая ея руку.)* И думалъ,—эта рука будетъ принадлежать мнѣ до гроба, но теперь, пусть сотворитъ хоть знаменіе крестное, когда паду въ битвѣ... я не хочу жить, не хочу перенести разлуки съ тобою!

Нина. *(бросается ему въ объятія.)* И я не хочу разстаться съ тобою! Прости мнѣ минутное увлеченіе памятью о родинѣ, о матери; я только хотѣла еще разъ взглянуть на нихъ и возвратиться къ тебѣ, чтобы никогда уже не разставаться, но я эту жертву приношу тебѣ!

Хассанъ. Такъ ты измѣняешь своему слову! что же сказать отцу и матери?

Нина. Скажи, что въ мужѣ найду все, что женщина терпѣть, разставаясь съ родительскимъ домомъ и родиною!

Хассанъ. *(въ близнствѣ.)* Помни, Фатьма, громъ ударитъ скоро и вмѣсто свадьбы отпразднуешь похороны! Пойдемъ отсюда, пока еще не поздно... *(хватаетъ Нину за руку.)*

Лико. Стой! что значить твои слова? Говори, или не уйдешь отсюда!

Хассанъ. То, что васъ постигнетъ участь укрѣпленія что на Гучафѣ, и когда вы станете умирать, тогда ей нечего здѣсь дѣлать!

Лико. Вельяминовскаго форта?

Тимченко. Что же случилось?

Хассанъ. Нѣсколько дней тому назадъ привезли къ намъ въ аулъ плѣннаго офицера и онъ убѣждалъ меня отдать тебѣ эту бумагу. *(отдаетъ записку Лико.)*

Лико. Будь увѣренъ, твоя услуга не останется безъ награды.

Хассанъ. Награды одной прошу,—отдай мнѣ Фатьму?

Лико. Это зависитъ съ ея согласія.

Нина. Чтобы ни случилось съ вами, я рѣшилась остаться здѣсь и не пойду съ Хассаномъ!

Хассанъ подходитъ къ Нинѣ, говоритъ съ нею тихо, но съ жаромъ, а Лико, развернувъ записку читаетъ громко.

«Лико, берегись, будь остороженъ,—Вельяминовскій фортъ взятъ и почти весь гарнизонъ погибъ.»

Боже милосердый! Они погибли, а съ ними и мой братъ, бѣдный мой братъ!

Тимченко. Съ потерпѣннѣмъ. Читайте далѣе.

Лико. *(читаетъ)* «На разсвѣтѣ 29-го Февраля, тучи горцевъ налетѣли на батареи. Картечь орудіи срѣзала ихъ переднія сотни, но остальные тысячи ворвались въ фортъ. Капитанъ Панахристо штыками выбросилъ враговъ за валъ и жизнью заплатилъ за мужественный отпоръ. Братъ твой заступилъ его мѣсто. Горцы въ бѣшенствѣ бросились вторично и снова залпъ и ударъ въ штыки вытѣснилъ врага изъ укрѣпленія, но онъ еще разъ кинулся на горсть израненныхъ и мы не устояли; по шагъ-за-шагомъ, тѣснимые отвсюду тысячами, съ трупа на трупъ товарищей—переступали, сперва къ плацу, потомъ къ казармамъ, къ бунтамъ, и тутъ бились болѣе двухъ часовъ, дорого продавая жизнь. Уже не много оставалось храбрыхъ! Твой братъ, смертельно раненный, въ присутствіи моемъ и Прапорщика Панки, отдалъ зажженный фитиль Подпоручику Румянчикову сказавъ: «Братъ, погибнемъ вмѣстѣ съ врагами съ честью и славою за Царя и Русь святую! Румянчиковъ, я умираю, возьми этотъ фитиль и взорви пороховой погребъ!! Румянчиковъ, тоже раненный, схватилъ фитиль, побѣждалъ къ погребу, но горцы хлынули на насъ; братъ твой умеръ какъ герой, а Румянчиковъ изрубленъ шашками на полудорогѣ. Уцѣлѣвшие отъ 8 часоваго боя заперлись въ блокгаузѣ, но когда всѣ заряды вышли, горцы выломали дверь, ворвались и полуживыхъ забрали насъ въ плѣнъ.»

«Будь остороженъ Лико—толпы горцевъ въ сборѣ и, быть можетъ, сдѣлаютъ нападеніе и на ваше укрѣпленіе.»

Братъ мой, ты погибъ геройскою смертью! я не жалѣю, я завидую тебѣ! *(Тимченко.)*

Велите на гаутивахъ бить сборъ!

Тимченко уходитъ и вжоръ слышнѣе отдаленный бой барабана. (къ Хассану.)

Спасибо за услугу! быть можетъ, скоро мнѣ вовсе не нужны будутъ деньги; вотъ все, что имѣю, возьми.

Хассанъ. *(отталкивалъ кошелекъ.)* И мнѣ не нужны твои деньги! я служилъ не вамъ, а ей! *(указывая на Нину.)*

Лико. По крайней мѣрѣ скажи, гдѣ собралась толпа горцевъ и куда хотятъ напасть!

Солдаты и офицеры приближаются, и строятся.

Хассанъ. Гдѣ собираются наши, куда готовы напасть—не знаю. Слышалъ только, что въ сборѣ ихъ до одиннадцати тысячъ.

Лико. *(къ солдатамъ.)* Ребята! наши товарищи, какъ львы, бились съ горцами въ Вельяминновскомъ и почти до одного пали во славу Русскаго оружья!

Солдаты:

Ура! честь и слава | Вѣчная память
Вельяминновцамъ! | храбрымъ! *(крестятся.)*

Лико. Въ послѣднія минуты кроваваго боя на смерть, по общему согласію немногихъ оставшихся въ живыхъ, Подпоручикъ Румянчиковъ припалъ отъ моего брата зажженный фитиль, бросился къ пороховому погребу, чтобъ взорвать укрѣпленіе—своихъ и враговъ, но Богъ не допустилъ его совершить великій подвигъ—горцы взрубили его на полудорогѣ!

Солдаты. Ура Румянчикову! вѣчная ему память! *(крестятся.)* Дай Богъ такъ умереть каждому русскому солдату!

Лико. Товарищи—братья! И намъ, быть можетъ, готовится та же слава,—непріятель хочетъ напасть на наше укрѣпленіе—не посрамимъ земли русской, ляжемъ костями во славу Царя и Отечества, но не сдадимся!

Солдаты. Смерть за Царя и Отечество, а сдачи не будетъ! Ура!...

Лико. Клянитесь, братья—товарищи, что если врагъ одолѣетъ, то послѣднему изъ живыхъ исполнить то, до чего Богъ не допустилъ Румянчикова!

Солдаты. *(крестятся.)* Клянемся пролить кровь до капли и послѣднему взорвать погребъ!

Архипъ Осиповъ. *(выходитъ впередъ.)* Ваше Благополіе! рука и сердце русскаго солдата никогда не дрогнутъ умереть за батюшку Царя и святую Русь православную! Не будь я Архипъ Осиповъ, если не взорву погреба и не подыму на воздухъ бусурманскую силу! Товарищи, кто останется въ живыхъ, не забудьте только о моемъ дѣлѣ и сотворите молитву за душу солдатскую!

Другой солдатъ. *(видитъ изъ фронта.)* Царь и Русь не забудутъ о тебѣ и скажутъ: былъ-де молодецъ Архипъ Осиповъ, сослужилъ онъ службу вѣрную, да у насъ такихъ солдатусекъ много.

Солдаты. *(въ восторгъ.)* Ура! умремъ всѣ за Царя и Русь святую—ура!

Лико. Богъ и Царь слышатъ, ребята, ваши слова—сдержите же клятву и пусть каждый готовится къ славной смерти! А чтобъ спокойно умереть, исполните прежде всѣ свои обязанности. Гг. Офицеры! чтобы люди знали въ казармахъ во всей боевой амуниціи и чтобы предъ разсвѣтомъ всѣ выходили на валъ. Я распредѣлю защиту и назначу работы къ вооруженію укрѣпленія. Ведите роты къ своимъ мѣстамъ и надѣйтесь не на валъ, а на свою грудь и на Бога! *(солдаты уходятъ, Лико отдаетъ офицерамъ приказанія.)*

Хассанъ. *(къ Нинѣ.)* Напрасный трудъ, ничто не спасетъ горсти этихъ храбрецовъ; они должны погибнуть, а съ ними и ты—уйдемъ Фатъма!

Нина. И ты могъ подумать, что я, какъ женщина побоюсь смерти?—Ты забылъ, что во мнѣ кровь Черкешенки!... Я отказалась отъ матери, отца, родины и съумѣю отказаться и отъ жизни! Для меня на свѣтѣ осталась только любовь, и скорѣе схороню ее въ могилѣ, чѣмъ раздѣлю съ тобою!

Хассанъ. А, такъ ты презираешь мною! Но будешь моею, я вырву тебя отсюда!

Нина. Вырвешь одинъ трупъ мой—изъ развалинъ этого укрѣпленія;—я предчувствую судьбу свою, но, да будетъ воля Божья!

Хассанъ. Такъ погибни же презрѣнная отступница! Черезъ три дня, увидишь меня здѣсь, не умоляющаго, но страшнаго мстителя—твоего господина!! *(уходитъ.)*

СЦЕНА II-я.

22-го Марта 1840 года.

Ночь. Видъ той же мѣстности, что и въ первой сценѣ.

Хассанъ ведетъ Нину за руку.

Нина. За чѣмъ ты вызвалъ меня изъ дома?... чего ты хочешь?

Хассанъ. Тише... въ туманѣ и мракѣ какъ змѣя проползъ я мимо часовыхъ, чтобъ умолить тебя бѣжать со мною сію же минуту, а чрезъ часъ,

уже будетъ поздно: эти мѣста покроются кровью и трупами гарнизона,—твой отецъ привелъ одиннадцать тысячъ нашихъ и готовится напасть на укрѣпленіе... бѣжимъ!

Нина. Отецъ... мой отецъ говоришь?... За чѣмъ же онъ самъ не пришелъ сюда?

Хассанъ. Кто-же рѣшится прокрасться сюда, на вѣрную гибель и отыскивать отрекшуюся отъ матери и отца! Одинъ только я, изъ любви къ тебѣ, могъ взяться за такое дѣло, а ты неблагодарная еще медлишь!

Нина. Нѣтъ, я не вѣрю, ты меня обманываешь!

Хассанъ. Черезъ часъ, когда ручьями полетятъ здѣсь кровь ты повѣришь, но тогда уже будетъ поздно—погибнешь въ общей сѣчѣ.

Нина. Пусть погибну, я обрекла себя на жертву вѣстѣ....

Хассанъ. *(прерывая ее.)* Вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ?... Но слушай, если тебѣ дорога его жизнь и жизнь всѣхъ людей, здѣсь запертыхъ, то отъ тебя зависить ихъ спасти.

Нина. Какимъ образомъ? Говори, я умру за ихъ спасеніе!

Хассанъ. Слѣдуй за мною! мы собрались только для твоей выручки и если уйдешь, то они отступятъ отъ укрѣпленія безъ выстрѣла, идемъ!

Нина. Правду—ли говоришь? Отъ меня зависить ихъ спасти?

Хассанъ. Отъ тебя, но только не медли—слѣдуй за мною. *(тащитъ ее за руку; Нина идетъ съ нервышностью.)*

Нина. Постой! *(останавливается.)* И не хочу бѣжать какъ измѣнница, но, если отъ моего удаленія отсюда зависить спасеніе гарнизона и толпы отца моего, какъ ты увѣришь, отступать безъ выстрѣла, то я объявлю объ этомъ Коменданту и тогда выйду изъ укрѣпленія добровольно и, пусть будетъ со мною, что Богу угодно! *(идетъ къ дому Коменданта.)*

Хассанъ. *(схватя ее за руку.)* Безумная, остановись! За мою пламенную любовь и самоотверженіе, ты хочешь отплатить мнѣ смертью? хочешь, чтобъ Русскіе разстрѣляли меня, когда узнаютъ, что я сюда проникъ?..

Нина. Нѣтъ, мы выйдемъ изъ крѣпости невредимы.

Хассанъ. Нельзя открывать, что имъ угрожаетъ опасность.

Нина. А, такъ ты обманываешь! Не для моего спасенія собрались эти толпы, а для гибели гарнизона! Я не пойду съ тобою, а подыму тревогу.

Хассанъ. *(грозно.)* Одно лишь слово—я ты погибнешь! идемъ! *(тащитъ ее.)*

Нина. *(вырывается.)* Пусти, или я закричу и тебя схватятъ!

Хассанъ. *(объявляя кинжалъ.)* Смерть тебѣ, или бѣжимъ!

Нина. Смерть! и послѣдній мой крикъ—вѣсть спасенія гарнизону...

Хассанъ. *(бросивъ кинжалъ на землю, выпускаетъ руку Нинѣ.)* Если такъ, то и я умру съ тобою, при твоихъ глазахъ! *(стрѣляетъ изъ пистолета.)*

Лико. *(объявляя.)* Что значитъ выстрѣлъ?... въ кого стрѣляютъ?

Хассанъ. *(сложивъ руки крестомъ на груди, съ рвимостью.)* Я выстрѣлилъ! Одиннадцать тысячъ нашихъ возлѣ твоихъ окоповъ,—защищай ихъ, если можешь! *Солдаты и Офицеры приближаются.*

Лико. Бейте тревогу!... Настала моя минута... Боже, укрѣпи и помоги! *(бьютъ тревогу, солдаты и офицеры сбѣгаютъ и становятся въ ряды.)*

Лико. *(къ солдатамъ.)* Братья—товарищи! Одиннадцать тысячъ горцевъ насъ окружили! Вспомните клятву три дня тому назадъ данную вами предъ Богомъ и людьми:—биться до послѣдней капли крови и кому суждено, умереть—съ честью и славою, какъ всегда умирали Русскіе и какъ умирали Вельяминновцы!...

Солдаты. *(съ рвимостью.)* Умремъ или побѣдимъ, Ваше Благополіе! докажемъ, что мы не хуже другихъ Кавказцевъ!

Лико. Горцевъ одиннадцать тысячъ, а насъ только пять сотъ,—помните обязанность послѣдняго изъ живыхъ!

Архипъ Осиповъ. Надѣйтесь, Ваше Благополіе—охулки на руку не положимъ! себя и бусурмана заживо зароемъ въ могилу!..

Лико. Богъ помощникъ намъ, ребята, а Царь-Государь призритъ увѣчныхъ, помянетъ храбрыхъ, падшихъ во славу Русскаго оружья и наградитъ ихъ семейства; а солдатская душа, съ боя идетъ

прямо въ рай! Съ Богомъ ребята, на свои мѣста!

Солдаты. Съ нами Богъ! да здравствуетъ Царь-Государь! Ура! *(часть солдатъ уходитъ.)*

Тимченко. *(слѣдуя за солдатами, подходитъ къ Нинѣ.)* Прости, милая невѣста! Если паду, не забудь меня... я буду ждать тебя тамъ! *(указывая на небо.)*

Нина. *(бросаясь въ его объятія.)* Я не переживу твоей смерти!

Хассанъ. *(до сихъ поръ стоявшій въ отдаленіи, съ грозною рвимостью, съ сложенными руками на груди, быстро подходитъ къ нимъ и раздѣляетъ обнявшихся.)* Прочь!—твое мѣсто не здѣсь, не возлѣ женщины, а тамъ, гдѣ умираютъ твои товарищи.

Тимченко. *(грозно.)* Дерзкій, ты дорого за это заплатишь! *(уходитъ.)*

Хассанъ. Если только переживешь меня! *(къ Нинѣ.)* Простидась ли съ своимъ любовникомъ?... на вѣки! *(слышны шикъ Горцевъ и выстрѣлы.)*

Лико. *(Смотритъ въ даль.)* Они бросились на Джупскую батарею... *(завязъ орудій.)* славно батарея—молодцы Артиллеристы! Картечь срѣзала переднихъ... но горцы лѣзутъ впередъ... вскочили на валъ—ребята, наша очередь, съ нами Богъ! ура! въ штыки! *(бросается впередъ, за нимъ солдаты съ крикомъ ура! и Хассанъ.)*

Нина. *(становясь на колѣни.)* Господи, дай мнѣ побѣду... умилосердись!... горцы вскочили въ укрѣпленіе... Лико упалъ... солдаты перекололи ворвавшихся горцевъ... Боже, кого несутъ?... это онъ! *(солдаты ведутъ раненаго Тимченку.)*

Нина. *(бѣжитъ къ нему на остричь.)* Ты раненъ!.. опасно?..

Тимченко. *(къ солдатамъ, слабымъ голосомъ.)* Бросьте меня здѣсь—я на добрыхъ рукахъ, а вы, ребята, идите на свое мѣсто. *(солдаты кладутъ его на землю, Нина склоняетъ его голову къ себѣ на колѣни.)* Прощи, Боже, жизнь мою только до той минуты, пока не увижу укрѣпленіе спасеннымъ.

Нина. *(осматривая его раны.)* Тѣло твое изранено пулями и кинжаломъ... ты оставишь меня, но я поспѣшу за тобою...

Тимченко. Совѣсть моя чиста, Нина,—я исполнилъ свой долгъ—тѣло изранено смертельно, но оно отъ дѣтства вскормлено было хлѣбомъ Отца-Государя, ему и принесено въ жертву!... и душа, съ дѣтства наученная любить Царя и Отечество, съ этими чувствованіями и любовью къ тебѣ,—отходитъ въ вѣчность... Нина, умираю... *(шикъ горцевъ, выстрѣлы и ура раздаются въ отдаленіи.)*

Нина. Умираешь какъ герой, какъ умираютъ всѣ твои товарищи...

Тимченко. *(слабымъ голосомъ.)* Развѣ враги одолѣваютъ?

Нина. *(смотритъ въ даль.)* Горцы тысячами ворвались на батарею... наши отступаютъ къ казармѣ... укрѣпленіе погибло!

Тимченко. Боже, и я пережилъ моихъ товарищей!... Нина... молись... умираю...

Нина. *(въ сильной горести.)* Умеръ! *(прикладываетъ уста свои къ его губамъ.)* Послѣдній вздохъ твой я приняла своими устами,—души наши соединились и не разстанутся въ вѣчности... Я медлю умереть—вѣдь у тебя нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ меня, кому бы оплакать твою смерть!... нѣтъ никого кромѣ меня, кто-бы въ жалобной пѣснѣ передалъ людямъ мужественную кончину героя, палшаго за родину... Но кто же услышитъ мой слабый вопль надъ твоимъ трупомъ!... За чѣмъ нѣтъ у меня голоса, который бы раздался по цѣлому свѣту и плачь мой услышали бы твои родные, братья всѣхъ здѣсь падшихъ геройскою смертью!

Хассанъ. *(израненный вползаетъ на сцену съ кинжаломъ въ рукѣ.)* Фатъма... умираю!... нѣтъ болѣе силъ приползть къ тебѣ... подойди, я обниму тебя и, не достанься ни мнѣ... ни другому!...

Подымаетъ руку съ кинжаломъ.

Нина. Я умру, но не отъ твоей руки! дай прежде оплакать эготъ милый трупъ!

Хассанъ. Милый трупъ!... а... плачь надъ нимъ... я отмстилъ!... мой кинжалъ пронзилъ его грудь и кровь твоего любовника обрызгала мнѣ лицо... посмотри...

Нина. Будь проклятъ подлый предатель!...

Хассанъ. Умираю... умри и ты!... *(бросаетъ слабою рукой кинжалъ, но онъ падаетъ не достигнувъ Нины, Хассанъ умираетъ.)*

Архипъ Осиповъ. *(объявляя съ повязанною головою и съ зажженными фитилями.)* Все кончено!... Нина, бѣжи отсюда, я взорву погребъ и прахомъ этой земли засыплю не схороненные трупы товарищей-братій!

Нина. Взявай скорѣй! жизнь не нужна и мнѣ! Посмотри — (показываетъ кинжалъ) — я приготовилась! Архивъ Осиповъ. Спасибо Нина! лучше смерть, чѣмъ вражій плѣнъ! О Русь святая! (становится на колѣни) Я гибну за славу твою и память заглушена обо мнѣ, но ты величайшая, крѣпни, и Господь да освѣтитъ тебя и Царя-Государя? — Враги обступятъ! (оскакиваетъ) — не дрогни русская рука! дай силу Боже и прийми мой духъ! (крестясь убиваетъ)...
Нина. (обнявъ трупъ Тимченки.) Скорѣй, скорѣй... въ небо!...

Горцы съ шапками и обнаженными шашками пробѣгаютъ сцену; запыль съ опускается, раздается взрывъ погреба, трескъ и грохотъ.

Укрѣпленія Черноморской береговой линіи преграждаютъ хищничеству горцевъ и ихъ торгъ невольниками съ Турціею. Эти крѣпостцы, съ горстїю войскъ, часто не имѣя между собою сообщенія, геройски отбиваются отъ многихъ тысячъ непріятельскихъ. Такъ, весной 1840 года, гарнизоны всѣхъ этихъ крѣпостей покрыли себя незабвенною славою, въ особенности гарнизонъ Михайловскаго укрѣпленія, гдѣ 500 человекъ, въ продолженіе двухъ часовъ, бился на славу съ одиннадцатою тысячами враговъ, нѣсколько разъ сбивали ихъ съ вала и наконецъ, когда непріятель, въ двадцать разъ сильнѣйшїй сталъ одолевать — оставшіеся рѣшились взорвать погребъ и погибнуть вмѣстѣ съ горцами, овладѣвшими укрѣпленіемъ.

На этотъ геройскій подвигъ вызвался, по собственному побужденію, рядовой Тенгинскаго пѣхотнаго полка Архивъ Осиповъ и мужественно привелъ его въ исполненіе. Обрекая себя на столь славную смерть, онъ только просилъ товарищей, — помнить его дѣло, если кто нибудь изъ нихъ останется въ живыхъ.

Это желаніе Осипова исполнилось. Нѣсколько человекъ храбрыхъ его товарищей, удѣлѣвшихъ среди общаго разрушенія и гибели, сохранили его завѣтъ, и вѣрно его передали.

Государь Императоръ почтилъ заслуги доблестныхъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія въ оставленныхъ ими семействахъ. Для увековѣченія же памяти о достохвальномъ подвигѣ рядоваго Архива Осипова, который семейства не имѣя, Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ: сохранить навсегда имя его въ спискахъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка, считая его первымъ рядовымъ и, на всѣхъ переключкахъ, при спросѣ этого имени, первому за нимъ рядовому отвѣчать: «погибъ во славу Русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи»

ВЗГЛЯДЪ НА...

СЛОВАРЬ

Русско-Черкесскій или Адигскій, съ краткою грамматикою сего послѣдняго языка, составленный Леонтиемъ Люлье.

Г. Люлье долгое время жилъ въ одномъ изъ племенъ Адиге, выучился довольно хорошо языку этого народа, который не имѣетъ письменъ, и теперь, послѣ многолѣтнихъ занятій, составилъ словарь и создалъ алфавитъ и грамматику адигскаго языка. Я давно слышалъ о предпріятіи Г. Люлье, и съ того времени съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія его труда, съ большимъ, быть можетъ, чѣмъ самъ онъ желаніемъ успѣха и совершенствъ, хотя, признаюсь, сомнѣвался въ томъ и другомъ. Кто знаетъ цѣну образованія, кто въ счастья роднаго края и близкихъ сердцу его людей видитъ и собственное свое благополучіе, тотъ не можетъ не сочувствовать человеку, котораго трудъ, достигнувъ предположенной цѣли, не сомнѣнно осуществить его пламенные желанія, его святыя помыслы. Выполненіе намѣренія Г. Люлье — создать письмена для адигскаго языка —

КАЗЕННОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Съ 1-го Мая сего 1847 года будутъ открыты Ахалцыхскія минеральныя воды.

Желающимъ пользоваться этими водами могутъ съ того времени получать билеты въ г. Ахалцыхъ изъ Грузинскаго Липейнаго № 2 баталіона, для отвода имъ на водахъ помѣщеній.

Помѣщенія эти въ продолженіе прошлой осени и нынѣшней зимы починены и снабжены изъ баталіона всею необходимою мебелью; къ удобному же пользованію водами приняты всевозможныя мѣры.

Жизненные припасы можно доставать съ удобствомъ отъ жителей сосѣднихъ деревень и десятъ семействъ Нѣмецкихъ колонистовъ, поселенныхъ на Абасъ-Туманскихъ водахъ, и колонисты эти въ нынѣшнемъ году заводятъ огороды разныхъ овощей для продажи посетителямъ.

могло имѣть благотворное вліяніе на судьбу этого народа — и изъ этого убѣжденія происходило и желаніе мое возможнаго совершенства его труда; но вмѣстѣ съ тѣмъ я понималъ и всѣ трудности, сопряженныя съ полюбимымъ предпріятіемъ и сомнѣвался въ предолѣніи этихъ трудностей.

Съ любовью и страхомъ взялъ я книгу Г. Люлье, взялъ, но не скоро рѣшился раскрыть ее: будь она просто слова, — я не обратилъ бы на нее большаго вниманія и, развѣ въ безсонную ночь, вздумалъ бы посмотреть — до какой степени иностранецъ коверкаетъ адигскія слова, изображая ихъ буквами своего алфавита — что могло бы нѣсколько позабавить меня. Но не такимъ я представлялъ себѣ трудъ Г. Люлье: я видѣлъ, или вѣрилъ, — я желалъ видѣть въ немъ собраніе родныхъ мнѣ словъ, переданныхъ вѣрно, изображенныхъ знаками, свойственными истинному ихъ звуку. До какой степени оправдался мой ожиданіи или сомнѣнія при разсмотрѣніи книги Г. Люлье, — вы увидите изъ слѣдующаго краткаго разбора ея, или вѣришь, главной, по моему мнѣнію части ея, т. е. новаго алфавита адигскаго языка.

Черкесскій или адигскій языкъ, раздѣляясь на многія болѣе или менѣе понятныя другъ другу нарѣчія, рѣшительно не имѣетъ ни малѣйшаго сходства ни съ однимъ изъ извѣстныхъ въ мірѣ европейскихъ и восточныхъ языковъ, и чтобы создать письмена для этого языка, недостаточно выбора буквъ изъ существующихъ алфавитовъ, съ примѣненіемъ ихъ къ выговору адигскому, но необходимо выдумать еще новые знаки, могущіе выразить не выразимыя адигскія слова, образующіяся въ горѣ и оттуда не выходящія. Слѣдовательно, составленный Г. Люлье алфавитъ черкескаго языка изъ русскихъ буквъ, не можетъ быть признанъ достаточнымъ: изъ нѣсколькихъ тысячъ адигскихъ словъ, составляющихъ словарь Г. Люлье и изображенныхъ знаками его алфавита, врядъ ли половину изъ нихъ, если еще не менѣе, пойметъ Черкесь. Тутъ двѣ причины: первая и главная — трудность произношенія адигскихъ словъ и вторая — невѣрное произношеніе этихъ словъ самими Г. Люлье. Что иностранецъ можетъ научиться адигскому языку и знать его въ нѣкоторомъ отношеніи лучше природнаго Черкеса — дѣло возможное и доказательство тому — самъ Г. Люлье; но не подлежитъ сомнѣнію и то, что онъ никогда не научится правильному произношенію словъ этого языка, если не станетъ изучать его съ дѣтства. Г. Люлье раздѣлилъ адигскій языкъ на три главныя нарѣчія: на Кабардинское, Бесленевское и обще-Черкесское и посвятилъ преимущественно свой словарь, и это, какъ онъ говоритъ, потому, что составленный имъ изъ русскихъ буквъ алфавитъ адигскаго языка, наиболѣе удобопримѣняемъ къ этому послѣднему нарѣчію; между тѣмъ собранныя имъ въ словарь адигскія слова имѣютъ болѣею частію окончанія, свойственныя Бесленевскому или Кабардинскому нарѣчію. Это еще болѣе доказываетъ, что Г. Люлье, при старательномъ изученіи адигскаго языка и знаніи мельчайшихъ его подробностей, все таки не могъ свыкнуться съ настоящимъ произношеніемъ его, какъ равно и то, что при изображеніи адигскихъ словъ знаками своего алфавита, онъ не держался исключительно одного обще-Черкескаго нарѣчія, но Кабардинскаго и Бесленевскаго вѣстѣ, прибѣгая къ тому изъ нихъ, котораго слова и выговоръ наиболѣе покорялись его азбукѣ.

Въ самомъ словарѣ выборъ адигскихъ словъ могъ быть удаченъ, — поменьше глаголовъ и по больше разговорныхъ выраженій и названій предметовъ, доступныхъ быту Черкесовъ. Слова: алтея, антимонія, аронія, балкозъ, банкротъ могли быть помѣщены потому, что на адигскомъ языкѣ они не имѣютъ соответственнаго имъ названія. Я понимаю какъ трудно писать адигскія слова по-русски; но въ словарѣ встрѣчаются не-

рѣдко такіа выраженія, которыя можно довольно вѣрно изобразить русскими буквами и которыхъ я не узнаю потому только, что Г. Люлье произноситъ ихъ или неправильно, какъ напримеръ:

- Г. Люлье говор. Должно говор.
- Карнозь — — — — Каранчъ.
  - Уанѣ-пха — — — — Уанѣ.
  - Шткѣ — — — — Силно.
  - Коланѣ. — — — — Куланѣ - Куланѣ.
  - Кандиуфъ. — — — — Катабѣ.
  - Унезимѣръ. — — — — Унезимѣръ.
  - Эше-эоуо. — — — — Ашь, Аше-Ау.
  - Дейле. — — — — Дѣйлѣ.
  - Благоръ. — — — — Блаеръ.
  - Блаю. — — — — Блаіѣ (*).

и т. п.; или же даетъ имъ значеніе, котораго не имѣютъ:

- Псѣ—вода (пси)—Псѣ—душа.
- Хунхе—выгонъ (хубнѣ)—Хунхе—бравый.
- Удѣ—вѣйма (удды) —Удѣ—тамъ.
- Махъ—гикъ (маккѣ)—Махъ—ломкій.
- Тхѣ—гора (тхы)—Тхѣ—ниши.
- Гю—годъ (нѣ)—Гю—желтый.
- Дійѣ—горькій (дими, дии)—Дійѣ—застыло и т. п.

Пока адигскій языкъ не имѣетъ письменъ, я считаю и грамматику этого языка безполезнаю, по крайней мѣрѣ для Черкесовъ, и потому мои замѣчанія о грамматикѣ Г. Люлье ограничатся указаніемъ на главныя ошибки ея противу адигскаго языка.

Всѣ, или почти всѣ спряженія глаголовъ въ словарѣ невѣрны. Для доказательства беру глаголъ—видѣть.

Г. Люлье.	Говорятъ.
Нас. вр.	Нас. вр.
Ед. чис.	Ед. чис.
Сѣ слауго—я вижу.	Сѣ Сѣлѣу.
Вуо слауго—ты видишь.	Уо олѣу.
Іѣ слауго—онъ видитъ.	Ушь іѣлѣу.
Ми. чис.	Ми. чис.
Тѣ слауго—мы видимъ.	Тѣ тѣлѣу.
Сюе слауго—вы видите.	Сюѣ сѣлѣу.
А слауго—они видятъ.	Ушьмѣ алѣу.
и т. д.	

При спряженіи глагола не всегда употребляются личныя мѣстоимѣнія; можно сказать сѣ сѣлѣу — я вижу, и просто сѣлѣу — вижу. Сѣ слауго, какъ спрягаетъ Г. Люлье, не выходитъ я вижу, а просто въ моихъ глазахъ. Онъ говоритъ: Т слаугуе, желая сказать: мы увидимъ, а выходитъ мы увидѣу, и оттого имено, что буква е предъ л личныя, и слѣдуетъ сказать: тѣ тлаугуе или тлаугуе, т. е. мы увидимъ. Подобнаго рода ошибки, мнѣ кажется, происходятъ отъ невѣрнаго опредѣленія глаголовъ въ неокончательномъ наклоненіи.

Несмотря однако-же на всѣ исчисленные недостатки словаря, составленіемъ и изданіемъ его въ свѣтъ, Г. Люлье оказалъ пользу, важность которой оцѣнится вполнѣ только въ будущемъ; въ настоящемъ же, книга его, какъ начальное руководство къ изученію адигскаго языка и созданію на немъ письменъ, и какъ трудъ, впервые касающійся предмета, доселѣ вникать еще не тронутаго, приноситъ честь его трудолюбію, добросовѣстности, терпѣнію и благородному желанію общей пользы, которыя руководили его на избранномъ имъ трудномъ и нѣрѣдко неблагоприятномъ поприщѣ.

При исправленіи своего труда, Г. Люлье могъ бы извлечь много пользы изъ совѣтовъ Потоуко Эфендія, дворянина шансугскаго, изъ рода Шеретлуковыхъ, если только Провидѣніе длить еще дни этого замѣчательнаго старца. Величайшїй поэтъ Черкесіи, превосходный оріенталистъ, Потоуко-Эфенди много лѣтъ трудился надъ созданіемъ алфавита и составленіемъ грамматики для адигскаго языка, совершенно успѣлъ въ томъ и другомъ, но, по настоянію духовенства, принужденъ былъ предать огню трудъ свой.

Султанъ Адиль-Гирей.

(* По недостатку надстрочныхъ знаковъ нельзя было съ приблизительною вѣрностію обозначить произношенія многихъ Черкесскихъ словъ.

Кавказскаго Стрѣлковаго Баталіона Унтеръ-Офицеръ Фелоръ Лебелевъ, на возвратномъ пути изъ Тифлиса чрезъ уроч. Гамборъ, 29-го числа Ноября прошлаго 1846 года, недозжая 8-ми верстъ нѣмецкой колоніи Маринъ-Фельдъ, нашелъ на дорогѣ бумажникъ, оклеенный зеленымъ сафьяномъ, съ депозитными билетами на серебро сто четыре рубля.

Начальство означеннаго баталіона объявляя о семъ, приглашаетъ потеряшаго эти деньги явиться для полученія оныхъ съ ясными доказательствами къ Командиру Баталіона на Урочища Гамборъ.

ТИФЛИССКІЙ ТЕАТРЪ

Во вторникъ 25 Марта, для открытія спектаклей послѣ великаго поста.

Чудная дѣвушка или рѣдкость XIX вѣка, драма водевилъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Гамлетъ Сидорычъ и Офелія Кузминшна, шутка водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи.

Въ пятницу, 28 Марта.

Именины Городничаго, или старый другъ лучше новыхъ, двухъ. Комедія съ куплетами въ 1-мъ дѣйствіи.

Въ Людахъ ангелъ не жена, дома съ мужемъ сатана, водевилъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Въ Воскресенье, 50 Марта,

Первый день брака, чрезъ тридцать лѣтъ послѣ свадьбы, комедія водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи.

Три попки, или всякой молодецъ, на свой образецъ, Шутка водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи.